

А.В. Шмидт

(Барнаул, Алтайский государственный университет)

К проблеме «деградации» призматической техники расщепления в Горном Алтае

Каменная индустрия в Горном Алтае на рубеже плейстоцена и голоцена характеризуется масштабным переходом от отщеповой техники расщепления к призматической. Этот переход исследователи связывают с вымиранием крупных стадных животных, что обусловило дальнейшее развитие не коллективной, а индивидуальной охоты. В этой ситуации человек вынужден был много времени тратить на выслеживание и погоню за животным, и, как следствие, он стремится экономить время на изготовление и ремонт оружия. Этому способствовали стандартные, легко взаимозаменяемые вкладыши, которыми оснащали метательное оружие и различные инструменты (Кунгуров, 1993, с. 25).

Данная работа прежде всего основана на материалах среднего течения Катунь, мезолитические-неолитические памятники которой являются наиболее изученными в Горном Алтае.

По мнению барнаульских археологов, расцвет призматической индустрии в Горном Алтае приходится не на мезолит, как в других регионах, а на ранний и развитый или даже поздний неолит. В это время из пластин древний человек стал изготавливать большинство орудий. Однако, в процентном соотношении количество мелких пластин (шириной 2-8 мм) относительно средних (9-14 мм) и крупных (свыше 14 мм) на протяжении неолита неуклонно сокращается. По мнению В.Ф. Старкова сокращение «числа изделий из мелких ножевидных пластинок ... связано с общей тенденцией упадка пластинчатой индустрии» (Старков, 1980, с. 113). Так, для позднего мезолита это число составило 88,9% (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1993, с. 26). В раннем неолите количество мелких пластин сократилось до 71,55% относительно их общего числа (Тыткескенъ II 7 к.г.). Чуть позже, в развитом неолите (?), это число возрастает до 78,33% (6 к.г.) (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1992, с. 29). Однако, уже в позднем неолите их количество составило 61% (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1993а, с. 81), а в финальном неолите-энеолите – 55,35% (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1993, с. 26).

Таким образом, налицо противоречивая ситуация: с одной стороны наблюдается явное развитие призматической индустрии, с другой ее деградация. В данной работе автор попытается разобраться в причинах повлекших за собой сокращение процентного соотношения мелких пластин относительно их общего количества.

1. Согласно трасологическим определениям Н.Ю. Кунгуровой, на протяжении неолита вкладыши оружия колюще-метательного типа составляют 21-28% от общего количества индустрии и доминируют в составе промысловых орудий (Кунгурова, 1995, с. 19). Основной заготовкой вкладышей на памятниках Катуня служили пластины шириной 4-8 мм (Кунгурова, 1997, с. 4). Таким образом, на производство вкладышей шла значительная часть мелких пластин. Традиция изготовления вкладышевых наконечников появляется на Алтае, вероятно, уже в верхнем палеолите и существует вплоть до прихода сюда афанасьевских племенных массивов на рубеже IV-III вв. до н.э. Расцвет этой традиции, очевидно, приходится на мезолитическую эпоху. Что касается цельнокаменных наконечников стрел и дротиков, то они появляются на Катуня только в развитом мезолите. До позднего неолита эта категория орудий исчисляется десятками долями одного процента. Только в финальном неолите-энеолите их количество резко возрастает. Вероятно, это увеличение происходит по двум причинам: 1) падает роль призматического расщепления; 2) усиливается давление пришлых афанасьевских племен. Таким образом, традиция изготовления цельнокаменных наконечников в Горном Алтае не получает широкого распространения. Следовательно, она вряд ли могла повлиять на сокращение процентного соотношения мелких пластин. Тогда причины этого упадка заключаются в том, что либо люди стали меньше охотиться, либо меняются принципы охоты.

2. На рубеже плейстоцена-голоцена исчезают стационарные поселения, состоящие, как правило, из одного крупного многоочажного жилища. На их смену приходят временные поселки с несколькими небольшими жилищами с одним очагом типа чума. Вероятно, это произошло в результате вымирания многих видов крупной ледниковой фауны, что повлекло за собой резкую перемену в образе жизни древнего человека. Переориентация охоты на подвижных, постоянно мигрирующих животных вынуждало людей двигаться вслед за стадом (Кунгуров, 1993, с. 24-25).

В связи с этим строительство долговременных жилищ было не целесообразным. Вновь традиция сооружения стационарных поселений с полужемлянками площадью свыше 100-200м² появляются только в позднем неолите. Причины этому, вероятно, вызваны изменениями в ведении хозяйства, результатом которых становится более осёдлый образ жизни.

3. Наличие стационарных жилищ с большой площадью говорит о привязанности древнего человека в неолите к одному месту. Это предусматривает под собой ведение оседлого либо полуседлого (сезонные перекочёвки на небольшие расстояния) образа жизни. Для этого необходим очень важный момент: ведение такого хозяйства, которое гарантировано бы успешное существование общества и получение постоянного достаточного продукта на протяжении всего года с одной локальной территории. По мнению М.Ф. Косарева, это возможно только при ведении такого хозяйства, в основу которого положена производящая форма экономики, либо рыболовство (Косарев, 1984). В настоящий момент свидетельств о наличии в Горном Алтае в доафанасьевскую эпоху земледелия или скотоводства в распоряжении исследователей нет. Не позволяют это сделать и имеющиеся фаунистические остатки (Гальченко, 1995). Проводя аналогии с неолитическими культурами Южной Сибири, автор считает, что в основу хозяйства неолитического-энеолитического населения Горного Алтая было положено рыболовство. За это говорит расположение стационарных поселений в устьевой зоне притоков Катуня, изобилующих рыбой, и присутствие на памятниках ры-

боловных стерженьков. Аналогичную картину мы можем наблюдать на памятниках китойской культуры Прибайкалья (Георгиевская, 1989).

4. Прямым свидетельством наличия рыболовства у древнего населения является присутствие на археологических памятниках рыболовных стерженьков. Первое такое изделие на Алтае появляется в позднем мезолите и представляло собой шлифованный стержень с обоими приострѐнными концами. В материалах раннего неолита рыболовные стерженьки составных крючков представлены также только одним экземпляром. Он имеет хорошо выделенную головку в верхней части и боковой пропилом для крепления жальца в нижней части (Кирюшин, Кунгуров, 1994, рис. 2). Только в период позднего неолита-энеолита эта категория орудий переживает свой расцвет. Значительно возрастает их количество и расширяется типология. Появляются стерженьки оснащенные в нижней части срединными пропилом и боковыми выступами (Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995, рис. 22). На наш взгляд это оптимальная форма для рыболовства в реках с быстрым течением, то есть этот промысел достигает наивысшей точки своего развития.

Таким образом, исходя из выше сказанного видно, что в позднем неолите и доафанасьевском энеолите ведущей отраслью хозяйствования становится рыболовство. Об этом свидетельствуют стационарные поселения в устьевой зоне притоков Катунь и наличие на памятниках относительно большого количества рыболовных стерженьков. Именно рыболовство становится причиной процентного сокращения мелких пластин, значительная часть которых шла на производство вкладышей оружия колюще-метательного типа. Возросшая роль рыболовства отодвигает охоту на второй план. В связи с этим древнему населению требовалось меньше наконечников, а соответственно и меньше вкладышей для их оснащения. Исходя из этого становится понятно почему на одном из этапов неолита возрастает процентное количество мелких пластин. Вероятно, в связи с какими-то причинами возрастает роль охоты.

Несмотря на преобладание у поздненеолитического-энеолитического населения рыболовства, охота продолжает по-прежнему играть большую роль. Так, в 3 к.г. памятника Тыткескень II зафиксированы легкие наземные одноочажные жилища, а пластины здесь составили 63,63% от общего числа изделия (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1993, с. 26). Вероятно, данный слой оставлен группой охотников, занимавшихся заготовкой мяса впрок.

По мнению автора, говоря о процентном сокращении количества мелких пластин на Катунь вряд ли уместно употребление термина «деградации». Данная традиция по-прежнему хорошо известна древнему человеку, но за отсутствием надобности, производство мелких пластин просто сокращается, и в случае необходимости оно может достигнуть прежних размеров.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант 00-01-00374а).
Научный руководитель – к.и.н. А.Л. Кунгуров*